

Юридические науки

УДК 34

ПОВОД И ОСНОВАНИЕ КАК СИСТЕМА¹⁵

Е.С. Кузьменко, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация. В данной работе проводится исследование теоретических и практических основ возбуждения уголовного дела, при этом уделяется особое внимание системе поводов для возбуждения уголовного дела

Ключевые слова: уголовное дело, возбуждение уголовного дела, уголовное право.

В предыдущей статье нами высказано суждение о том, что образ предполагаемого преступления создается системным единством повода и основания для возбуждения уголовного дела, и, следовательно, «возбуждающими» свойствами обладает только система «повод + основание».

Таким образом, *юридический факт, дающий импульс для начала уголовно-процессуальной деятельности, порождается совокупными усилиями повода и основания.* Не случайно две эти «правовых фигуры» более 100 лет находятся в тесной связке. Статья 149 УПК РФ в очередной раз подтвердила эту любопытную закономерность¹⁶: в уголовно-процессуальном законодательстве поводы и основания, как правило, появляются парно. Подобный вывод подтверждается не только УПК РСФСР, но и положениями уголовно-процессуального права Российской Империи. Текст статьи 262 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи¹⁷ в этом смысле весьма показателен: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и достаточного основания».

Нетрудно разглядеть, что повод и основание в УУС были теснейшим образом взаимосвязаны. Объяснение этому феномену может быть отчасти выведено из семантического родства названных слов. Толковый словарь русского языка дает следующее определение: «Повод – обстоятельство, способное быть основанием (выделено нами. – Е.К.) для чего-нибудь» [14, С. 529]. Очевидна связь понятия повода с понятием основания, толкование которого также представлено в указанном словаре: «Основание – причина, достаточный повод (выделено нами. – Е.К.), оправдывающие что-

¹⁵ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). **Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор М.П. Поляков. **Ведущая организация:** Волгоградская академия МВД России. **Оппоненты:** доктор юридических наук, профессор А.Ф. Лубин; кандидат юридических наук, доцент С.П. Гришин. **Отзывы прислали:** профессор кафедры Института повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент А.В. Агутин; доцент кафедры уголовного процесса СибЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент П.Л. Сурихин; начальник кафедры уголовного процесса Калининградского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции В.Н. Авдеев; Начальник Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Б.Б. Булатов; Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Омского юридического института, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, доцент Ю.В. Деришев.

¹⁶ Мы считаем, что необходимо говорить именно о закономерности, а не о тенденции.

¹⁷ Далее – УУС.

нибудь» [14, С. 463].

Закон и тогда не считал возможным дать определение повода (равно как и основания). Приводились лишь перечни поводов. В УУС имелось два таких перечня: один для уголовных дел, рассматриваемых в рамках мировой юстиции, другой для дел, разбираемых в общем порядке¹⁸.

Однако в законодательной технике нормативной связки повода и основания были перерывы. В первых советских УПК (УПК 1922 и 1923 гг.) эти термины близко не соседствовали в тексте закона. Так, в УПК 1923 г. в главе, посвященной возбуждению уголовного дела, говорилось только о поводах: «Ст. 91. Поводами к возбуждению уголовного дела являются: 1) заявление граждан и различных объединений и организаций; 2) сообщение правительственных учреждений и должностных лиц; 3) явка с повинной; 4) предложение прокурора; 5) непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда».

Об основаниях возбуждения уголовного дела в рамках соответствующего раздела УПК информации не было. Имеется в виду буквальная информация, выражаемая словом «основание». Что касается сущностных признаков последнего, то они были вполне различимы. Тот, кто знаком с современной нормативной трактовкой основания для возбуждения уголовного дела, легко увидит его признаки в двух приводимых ниже статьях УПК РСФСР 1923 г.

«Ст. 95. Усмотрев из самого заявления или сообщения отсутствие в деле признаков преступления (выделено нами. – Е.К.), органы дознания, прокурор или следователь отказывают в производстве дознания или предварительного следствия, о чем объявляют заинтересованным лицам или учреждениям, каковой отказ может быть обжалован в семидневный срок заявителями в надлежащий суд».

«Ст. 96. При наличии поводов, указанных в ст. 91 Уголовно-процессуального Кодекса и при наличии в заявлении указаний на состав преступления (выделено нами. – Е.К.): 1) органы дознания приступают к производству дознания, причем по делам, где обязательно производство предварительного следствия, обязаны в течение суток сообщить о том следователю и прокурору; 2) прокурор направляет дело для производства предварительного следствия или дознания, либо непосредственно в суд; 3) следователь приступает к производству предварительного следствия, о чем в течение суток сообщает прокурору; 4) суд направляет дело для производства дознания или предварительного следствия, либо принимает дело непосредственно для рассмотрения его по существу».

Заметим, что само слово «основание» из первых советских кодексов не исчезло; оно по-прежнему использовалось, хотя и в других ситуациях. Статья 128 УПК: «При наличии *достаточных данных, дающих основание* для предъявления обвинения в совершении преступления, следователь составляет мотивированное постановление о привлечении данного лица в качестве обвиняемого».

Как видим, под основанием для принятия решения о предъявлении обвинения УПК РСФСР 1923 г. понимал *достаточные данные*. В этом нормативном определении нашла свое отражение сущность оснований для принятия ключевых уголовно-процессуальных решений. Из подобного понимания оснований впоследствии сформировалась и

¹⁸ Эти перечни приводятся в следующем параграфе.

законодательная дефиниция основания для возбуждения уголовного дела. В УПК РСФСР 1960 г. эти основания были сформулированы в ч. 2 ст. 108 УПК как *достаточные данные, указывающие на признаки преступления*.

Новый УПК РФ не внес изменений в эту формулу: ч. 2 ст. 140 гласит: «основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления».

Зададимся вопросом: почему законодатель рассматривает понятие поводов и основания в тесной связке? Частично ответ мы дали выше. Однако есть существенные дополнения, на которые указывают ранние нормативные формулировки, а именно ст. 262 Устава Уголовного судопроизводства: «Предварительное следствие не может быть начато судебным следователем без законного к тому повода и *достаточного* основания» (выделено нами. – Е.К.).

Законодатель не случайно снабдил термин «повод» определением «законный». Тем самым подчеркивалось, что *повод есть категория юридическая*. Данный подход полностью вписывается в современные концепции. Однако с основанием для возбуждения уголовного дела ситуация обстоит иначе. Мы приходим к заключению, что УУС подчеркивает, что основание есть категория иного рода, нежели повод. Если повод категория юридическая, то основание – *логическая*.

Для понимания подобной градации нужно учитывать исторический контекст. Во времена действия УУС неотъемлемым элементом правовой культуры юристов считалась логика. Таковой она остается и ныне, однако современные исследователи, как правило, не акцентируют это. Современники УУС, напротив, выделяли логическое начало, показывали его основополагающее значение для методологии уголовного процесса. Поэтому неудивительно, что о логике в контексте уголовного судопроизводства постоянно говорили и теоретики уголовного процесса. Об этом можно судить по двум цитатам из известной работы И.Я. Фойницкого (наши акценты выделены курсивом).

«Особые правовые пути отыскания истины в процессе уместны и необходимы настолько лишь, насколько они вытекают из особенностей процессуальных отношений; они призваны не заменять, а лишь дополнять *общие логические начала*» [23, С. 8]. Таким образом, уголовно-процессуальное право является в некотором роде надстройкой над общими логическими правилами.

Однако последующее изучение работ И.Я. Фойницкого приводит к выводу о том, что логические начала соседствуют с другими значимыми детерминантами. Уголовно-процессуальный метод формировался и эмпирическим путем: путем исторического отбора. «К историческим наслоениям в процессе, – писал И.Я. Фойницкий, – необходимо относиться с большой осторожностью, так как вся система правосостояния есть результат взаимодействия различных факторов народной жизни, складывающихся путем историческим. Соглашение обеих этих сторон в судебном порядке – *стороны логической* и *стороны исторической* – составляет истинную и высокую задачу теории судебного права»¹⁹.

¹⁹ Фойницкий И.Я. Указ. соч. – С. 8. Оценивая последнюю цитату, Т.В. Никифорова сделала вывод о том, что «здесь формулируется главное противоречие, которое лежит в основе развития уголовно-процессуальной формы. Это противоречие между исторической и логической стороной». См.: Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный

Но цитаты классиков процесса – это только предпосылки. УУС, на наш взгляд, содержал и прямые указания на логическую природу основания, поскольку говорил не просто об основании для возбуждения уголовного дела, а именно о достаточном основании (выделено нами. – Е.К.).

Для людей, знакомых с основами логики, здесь четко просматривается один из логических законов – *закон достаточного основания*²⁰. Напомним суть указанного закона, для чего приведем несколько определений.

В старом учебнике по логике этот закон сформулирован предельно кратко: «Всякая правильная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана практикой человека»²¹.

Современный философский энциклопедический словарь дает более развернутое понимание: «Закон достаточного основания – общий логический принцип, согласно которому положение считается истинным только в том случае, если приведено достаточное основание его истинности. В составе достаточного основания должны быть заведомо истинные суждения, уже доказанные опытным путем или выведенные из истинности других положений. Закон достаточного основания является общим методологическим принципом в логике... Он характеризует одну из существенных черт логически правильного мышления – доказательность» [22, С. 143] (выделено нами. – Е.К.).

Соглашаясь по существу понимания закона достаточного основания, не все современные философы связывают этот принцип собственно с законами логики. Так, А.А. Ивин пишет: «Закон достаточного основания вообще не является принципом логики – ни основным, ни второстепенным. Он требует, чтобы ничто не принималось просто так, на веру. В случае каждого утверждения следует указывать основания, в силу которых оно считается истинным. Разумеется, это никакой не закон логики. Скорее всего, это некоторый методологический принцип, не особенно ясный, но в общем не бесполезный» [7, С. 38]. Мы не станем вдаваться в подоплеку профессиональных дебатов логиков. Для нас важно другое: *получение основания для возбуждения уголовного дела предполагает доказательственную деятельность в этой стадии, приведение аргументов*²².

Однако уголовно-процессуальная аргументация не может опираться на теоретические аргументы. Для обоснования процессуальных решений, в том числе и итоговых решений в стадии возбуждения уголовного дела, требуется получить информацию. И не только получить, но и соответствующим образом оформить.

Таким образом, *достаточное основание, являясь результатом уголовно-процессуального доказывания, предполагает, что оно (основание) должно опираться на аргументы, отвечающие требованиям (критериям), похожим на свойства доказательств.*

обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007. – С. 25.

²⁰ Мы не первые, кто обратили внимание на эту особенность. М.Т. Коридзе в своей диссертации тоже заметил, что «достаточное основание» в контексте УСС – это своего рода мостик к формальной логике, которая имеет для уголовного процесса большое значение. См.: *Коридзе М.Т.* Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006. – С. 86.

²¹ *Кондаков Н.И.* Логика: Пособие для учителей. – М., 1954. – С. 116.

²² Указанный тезис сегодня не встречает особых возражений. Подробнее о дискуссии по этому поводу см.: *Быков В.В., Березина Л.В.* Указ. соч. – С. 94–189.

Речь в данном случае идет об относимости и допустимости информационных блоков (информационных продуктов), из которых складываются эти основания. Их можно назвать данными о признаках преступления.

Относимость предполагает, что эти данные дают прямое или косвенное представление о криминальной природе события, описываемого в поводе для возбуждения уголовного дела.

Допустимость требует, чтобы данные были получены из определенного законом источника и в надлежащей форме. Все эти требования теснейшим образом переплетаются в таком явлении, как повод к возбуждению уголовного дела. Таким образом, сам повод как информационно-юридическое явление способствует формированию предпосылок истинности основания.

Полагаем, в системе поводов должна, как в зеркале, отражаться эволюция уголовного процесса, его исторические закономерности. Все формальные (процедурные) находки, обеспечивающие надежность инициации начального этапа процесса, должны закрепляться в законе²³. Мы видим, что имеют место *исторические предпосылки системности поводов*. Но означает ли это, что в основе системы поводов лежит только исторический фактор, а логические предпосылки играют второстепенную роль?

Для того, чтобы разобраться с этим вопросом, опять обратимся к постулатам логики. В рамках закона достаточного основания говорится о логическом основании и реальной причине. Н.И. Кондаков подчеркивает: «Логическое основание не следует смешивать с реальной причиной, с непосредственным предметом или фактом, вызвавшим появление предмета, отобразившегося в нашей мысли. Когда говорят об отношении между двумя предметами, из которых один является основанием для появления другого, то первый из этих предметов называется причиной, а второй действием этой причины. Следовательно, отношение причины и действия – это отношение между предметами материального мира. Когда же мы имеем в виду логическое основание и вытекающее из него следствие, то в этом случае речь идет об отношении между нашими мыслями» [10, С. 116].

Попробуем адаптировать интеллектуальные отношения, о которых говорит Н.И. Кондаков, к уголовному процессу.

Итак, появлению повода для возбуждения уголовного дела, по общему правилу, должно предшествовать событие преступления. Однако повод не создается самим событием преступления. Повод не есть порождение только материального мира (материальными являются по большей части лишь его предпосылки). Повод – деятельность преимущественно интеллектуальная. В нем отражается восприятие преступного события и его субъективная оценка. *Повод всегда связан с субъектом и поэтому с логической точки зрения является суждением, т. е. интерпретацией некоего события, в т.ч. и степени криминальности этого события.*

В связи с этим, вряд ли можно безапелляционно говорить о том, что повод имеет материальную природу, а основание интеллектуальную (логическую). Очевидно, что такое соотношение указанных явлений было бы слишком упрощенным. Подчеркнем еще раз: за

²³ В связи с этим мы разделяем позицию С.П. Гришина, полагающего, что: «правовые нормы, действующие на протяжении веков и ставшие традиционными для отечественного судопроизводства, должны обязательно учитываться при изменениях действующего законодательства». См.: *Гришин С.П.* Производство по делам частного обвинения. – Н. Новгород, 2002. – С. 23.

всяким поводом скрывается логически оформленная мысль. Повод – это не просто действие, а действие, имеющее интеллектуальную подоплеку: субъект предлагает компетентным органам собственную умственную оценку ситуации. Для того, чтобы субъект еще раз задумался над своим суждением, его предупреждают об ответственности за заведомо ложный донос.

Однако деятельностная сторона повода крайне важна. Еще раз повторим одну мысль: по сути, не столько преступление, сколько повод (мыслительный образ преступления) является той причиной, которая вызывает к жизни уголовный процесс; последний может возникать и по надуманному поводу, хотя уголовно-процессуальная форма пытается всячески воспрепятствовать этому.

Вместе с тем, *нельзя говорить о том, что нормативный формализм присущ только поводу и совсем чужд основанию*. Действительно, по общему правилу при формировании основания – накоплении данных до уровня их достаточности – действует принцип свободной оценки доказательств. Однако практика сознательно допускает отступления от этого правила и иногда идет по пути формализации оснований. Такой подход свойственен для некоторых экономических преступлений, когда результаты соответствующей проверки (например, крупная недостача) априори оцениваются как основание для возбуждения уголовного дела.

Формализация основания вполне может быть применена и для возбуждения уголовного дела о преступлении против личности. В качестве примера можно привести Письмо Генеральной прокуратуры России и МВД России № 15-16-92 от 22 декабря 1992 г. «О соблюдении законности при разрешении заявлений и сообщений о безвестном исчезновении граждан». Согласно этому документу, «достаточным основанием (выделено нами. – Е.К.) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по материалам проверки о безвестном исчезновении могут быть следующие признаки, которые прямо или косвенно указывают на то, что без вести пропавший стал жертвой преступления: 1) отсутствие данных о намерении уехать, причин для сокрытия от близких причин своего отъезда либо ухода из дома на длительное время, наличие личных документов и вещей, без которых человек не может обойтись в случае длительного отсутствия; 2) малолетний возраст пропавшего, отсутствие заболевания, которое может обусловить скоростижную смерть, потерю памяти, ориентировку во времени или пространстве; 3) исчезновение с автотранспортом или крупной суммой наличных денег, ценностей; 4) постоянные конфликты в семье, угрозы в адрес исчезнувшего лица, преступные связи; 5) противоречивые объяснения и нелогичное поведение тех, кто контактировал с пропавшим перед исчезновением; 6) обнаружение в ходе розыска следов, получение иных сведений, свидетельствующих о возможном совершении преступления».

Этот документ – не что иное, как эмпирическое обобщение множества жизненных ситуаций. Он возник на базе анализа тысяч и тысяч фактов безвестного исчезновения граждан. В результате появилась своего рода процессуальная презумпция²⁴ – наличие фактов, указанных в письме, предполагает, что предпосылки исчезновения гражданина

²⁴ «Правовая презумпция – закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом». См.: *Бабаев В.К.* Презумпции в советском праве. – Горький, 1974. – С. 14.

преступны.

Однако подобный набор признаков невозможно разработать к каждой криминальной ситуации. Да и вряд ли нужно. Те же учебники по логике учат: «...приводить в подтверждение истинности мысли всякий раз непосредственный факт нет никакой необходимости. Ведь человек для этого и познает законы природы, чтобы не плестись рабски за каждым отдельным случаем практики» [10, С. 116].

Итак, мы еще раз отметим, что основание для возбуждения уголовного дела базируется на логическом законе достаточного основания. Это подтверждается и современной законодательной дефиницией основания, в центре которой находится требование *достаточности* данных о признаках преступления. Однако логическая сторона не единственная. Формирование достаточного основания предполагает и практическую деятельность по получению данных о признаках преступления.

Нормативное определение оснований для возбуждения уголовного дела заслуживает отдельного разговора. Начнем с того, что большинство современных процессуалистов вполне удовлетворены указанным определением. Однако ряд исследователей рассматривают его как проблемное [16, С. 60]. В качестве недостатков нормативного определения основания для возбуждения уголовного дела называется, например, нечеткость определяющих признаков. Так, по мнению Т.А. Соловьевой, в уголовно-процессуальном законе до настоящего времени нет четкого определения оснований к возбуждению уголовного дела, поскольку закон ссылается лишь на наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, не расшифровывая оценочные понятия «достаточные» и «данные» [20, С. 63].

Отсутствие четкого определения основания порождает сложности его толкования. «С одной стороны, – указывает Л.А. Артемов, – речь об этих данных идет в статье УПК РФ, регламентирующей поводы и основания. Поэтому можно предположить, что основания к возбуждению уголовного дела должны содержаться в указанном законом поводе (заявлении, сообщении и т. д.). С другой стороны, законодатель об этом прямо не говорит, вполне обоснованно оставляя возможность получения данных, достаточных для возбуждения уголовного дела, и из других источников. Но таковые источники законом не определены» [1, С. 89].

В приведенной цитате содержится одна из проблем, имеющих значение и для нашего исследования. Это проблема соотношения понятий повода и основания. Указанная проблема на повестке уголовно-процессуальной науки стоит давно и юридическая наука время от времени возвращается к ней. Значительное оживление в дискуссию по этому вопросу внес Федеральный закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» [21].

В этом законе говорится о том, что результаты ОРД могут быть использованы в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела (ст. 11 ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Если толковать положения закона буквально, то получается, что один и тот же массив оперативно-розыскной информации может быть истолкован и как повод, и как основание. Данный факт может быть трактован как предпосылка слияния понятий поводов и основания возбуждения уголовного дела. Подобное толкование устраивает не всех. В связи с этим, данное законодательное положение получило неоднозначную оценку.

Начнем с критических откликов. По мнению Н.А. Громова, Н.А. Громова, А.Н. Гущина, Ю.В. Франциферова, «один и тот же массив информации не может быть одновременно причиной (т. е. поводом) и следствием (т. е. основанием) возникновения определенного явления (в нашем случае – возбуждения дела)» [5, С. 15].

Как видим, указанные авторы связывают указанные понятия как причину и следствие. Это, на наш взгляд, не совсем верно. Нам ближе мнение Н.И. Кондакова, приведенное выше: «Логическое основание не следует смешивать с реальной причиной, с непосредственным предметом или фактом, вызвавшим появление предмета, отобразившегося в нашей мысли».

В связи с этим следует признать обоснованным мнение М.П. Полякова, возразившего Н.И. Громову и его ученикам: «повод и основание, применительно к уголовно-процессуальному контексту, все же соотносятся не как причина и следствие, а как форма и содержание (выделено нами. – Е.К.). Думается, – пишет он, – что подобное заблуждение является следствием восприятия результата ОРД с сугубо информационных позиций: они, конечно же, важны, но не единственны. Такой (моноаспектный) подход пригоден лишь для того, чтобы вскрыть сущность результатов ОРД как оснований к возбуждению уголовного дела. Однако для уяснения их сути (как повода) необходимо вовлечь в сферу исследовательского внимания не только гносеологические, но и онтологические аспекты понятия названных результатов»²⁵.

Позднее в указанной дискуссии принял участие М.Т. Коридзе. По его мнению, «приравнивать причину к поводу не совсем корректно: в науке и философии эти понятия принято обособлять: в первое вкладывается внутренний смысл, во второе – внешнее проявление (здесь повод используется в значении слова «предлог»). Причиной для возбуждения уголовного дела будет само событие преступления. Именно в момент преступления возникает уголовно-правовое отношение между государством и преступником по поводу уголовной ответственности. В связи с этим причина для начала уголовного преследования есть явление объективное. Повод же в некотором смысле субъективен. Это субъективная оценка предполагаемой причины; лицо, сообщаящее о преступлении, предполагает, что таковое было действительно совершено. И это предположение может оказаться ошибочным.

Однако основой для возбуждения уголовного дела, т. е. основанием будет уже другая оценка ситуации – оценка компетентного лица, базирующаяся на необходимых для этого данных (выделено нами – Е.К.). Само собой, что повод как некомпетентная оценка информации о преступлении предшествует оценке компетентной (основанию), однако он не находится с ним в обязательной причинно-следственной связи (во-вторых). В информации, представленной в поводе, вовсе может не оказаться сведений, достаточных для констатации наличия признаков преступления. Более того, может быть много данных, указывающих на отсутствие криминального явления» [11, С. 79-80].

В приведенных выше цитатах содержится два различных взгляда на соотношение понятий повода и основания для возбуждения уголовного дела. Первый вариант

²⁵ Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под науч. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород, 2001. – С. 99. Эта позиция им подтверждена и в комментарии к ст. 140 УПК РФ. См.: *Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации* / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006. – С. 371.

предлагает формулу связи «причина и следствие», второй – «форма и содержание».

Критических оценок первого варианта мы привели достаточно. Что касается формулы «форма – содержание», то и она не безупречна.

Так, М.Т. Коридзе, критикуя первый подход, по сути, дал критическую оценку и второй позиции. По его мнению, под основанием следует понимать не столько саму информацию о признаках преступления, сколько оценку этой информации. В конечном итоге юридическое значение имеет лишь та оценка, которую дает компетентный субъект. Не случайно в УУС и ранних УПК РСФСР в контексте поводов к возбуждению уголовного дела встречалось слово «усмотрение». Это слово ничего общего не имело с произволом субъектов правоохранительной деятельности. Оно подчеркивало мыслительный, логический характер формирования основания для возбуждения уголовного дела.

На этом строит свои суждения и А.П. Попов. «Для наличия основания к возбуждению дела, – указывает он, – в уголовном процессе достаточен предварительный, вероятный вывод о соответствующих фактах. Его, однако, нельзя смешивать с тем предположением о преступлении, которое имеется в поводах к возбуждению дела. Это предположение (в некоторых случаях категорическое утверждение), исходящее от лица, которое не уполномочено решать процессуальные вопросы» [16, С. 71].

Но вернемся к закону об ОРД. И попробуем взглянуть на него позитивно. Не является ли соседство в ст. 11 этого закона повода и основания *проявлением все той же закономерности неразлучности повода и основания*, о которой мы говорили выше?

В связи с этим, мы выдвигаем гипотезу о том, что *словесная связка «повод и основание» является обозначением самостоятельной сущности*. Эта гипотеза опирается на ряд суждений, истинность которых не вызывает сомнений. Так, никто не отрицает наличие связи повода и основания. Более того, вопрос о необходимости этой связи даже не обсуждается. Это уголовно-процессуальная аксиома. Не случайно, что и слова «повод» и «основание» чрезвычайно близки по семантике²⁶.

Таким образом, за формулой «повод + основание» скрывается вполне самостоятельная сущность. Можно было бы объединить эти слова известным термином «информация», который легко соединяет в себе форму и содержание. Однако внутреннее убеждение предостерегает нас от этого, а также ряд других поводов. В качестве примера можно опять же привести ведомственные нормативные акты. В этих документах поводы выделяются из общего массива информации. Напомним, что вся информация о преступлении в инструкциях, регламентирующих соответствующую деятельность, делится на поводы для возбуждения уголовного дела и иную информацию о преступлении.

На наш взгляд, здесь уместнее будет другая аналогия – понятие доказательства. Выше мы уже обращались к этому понятию. Сделаем это еще раз. Доказательство, как известно, представляет собой единство содержания и формы: доказательства – это не просто сведения, но сведения облеченные в установленную законом форму. Указанная двойственность – неизбежный спутник информационной трактовки доказательств. Но и теория поводов опирается на информационный подход. Следовательно, повод тоже

²⁶ Эти слова имеют и другие значения. Но для нас важно сходство. См. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М., 2003. – С. 529, 603, 588, 463.

является единством сведений и их источника.

Попытаемся под этим углом взглянуть на нормативный перечень поводов. Он включает в себя три элемента: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников (ст. 140 УПК РФ). Впоследствии этот перечень был дополнен еще двумя: постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании и материалы, о преступлениях, предусмотренных статьей 172.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, направленные Центральным банком Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», а также конкурсным управляющим (ликвидатором) финансовой организации для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Толкование п. 3 этой статьи прямо наводит на мысль, что в п.п. 1 и 2 речь идет именно об источниках информации. Однако п. 3 ст. 140 говорит не только об источнике, он подчеркивает, что поводом является сообщение, полученное из источников. Таким образом, поводом является нечто, включающее в себя и сведения о преступлении, и источник этих сведений.

Ранее нам представлялось, что законодатель несколько нелогично сформулировал систему поводов для возбуждения уголовного дела. Нелогичность виделась, в частности, в разном характере элементов. Два первых толковались как источники информации, последний – как сама эта информация²⁷.

Но в ходе исследования стало ясно, что система поводов вполне логична. Логика станет ясной, если изложить эту систему в более четкой редакции. Для того, чтобы отразить информационно-формальную сущность поводов для возбуждения уголовного дела, эта система должна выглядеть следующим образом:

«Поводами для возбуждения уголовного дела служат сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученные из: 1) заявления о преступлении; 2) заявления о явке с повинной; 3) других источников».

Мы не предлагаем эту конструкцию в текст закона. Она является всего лишь текстуальным переводом предполагаемого в явное. Однако и этого достаточно, чтобы увидеть признаки понятия повода. Повод – это сообщение о преступлении, полученное из предусмотренного законом источника. Сообщение, содержащее в себе достаточные данные, указывающие на признаки преступления, может служить *основанием* для возбуждения уголовного дела. Внимательно посмотрим на последнюю формулировку. Получается, что *повод как единство формы и содержания (т. е. информация) после соответствующей оценки может превратиться в основание для возбуждения уголовного дела*.

Однако подобные превращения нас вряд ли могут удовлетворить. Закон требует,

²⁷ Подобный подход дает себя знать в ведомственном нормативном материале. См. например: *Приказ* Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».

чтобы был и повод, и основание. Если же в результате информационных превращений повод трансформируется в основание, то законных предпосылок для начала производства по уголовному делу не возникнет.

Поэтому *речь необходимо вести не о превращении повода в основание, а о появлении у повода свойств основания*. Иначе говоря, когда в юридическом – законном – поводе возникает логическое начало. А возникает оно в ходе проверочно-оценочной деятельности компетентного лица. Именно об этом говорили А.П. Попов и М.Т. Коридзе.

Но логическая деятельность по оценке сообщения о преступлении не отрицает собой онтологические предпосылки, позволяющие трактовать *повод как явление*. В результате мы имеем некое интеллектуально-материальное явление. Его можно обозначить формулой «*повод и основание*», точнее, «*повод + основание*». Дело возбуждается не при наличии разрозненных слагаемых, а при наличии сложения, т. е. появления суммы элементов.

Эта мысль вполне различима в позиции ряда процессуалистов. В качестве иллюстрации приведем фрагмент диссертации И.Р. Дмитриева: «Среди ученых, – пишет он, – можно встретить позицию, что повод может быть поводом и без основания, а вот основание без повода существовать не может. Представляется, однако, что взаимосвязь указанных атрибутов более сложная. В тесном смысле слова они могут существовать только парно (выделено нами. – Е.К.). Если нет основания, то нет и повода и наоборот. В одном случае мы движемся от повода к основанию, в другом от основания к поводу. Последняя ситуация имеет место при оперативно-розыскной инициации уголовного дела» [6, С. 84].

М.Т. Коридзе со своей стороны призывает не усердствовать в поиске различий между поводом и основанием. По его мнению, это «обязательные информационные слагаемые начала уголовного судопроизводства» [11, С. 85]. Весьма характерно, что речь идет именно о *слагаемых*.

Мы не в силах придумать отдельный термин для информационной сущности, создаваемой слагаемыми повода и основания. Это задача для научной работы другого уровня. А прибегать к слишком общим обозначениям, на наш взгляд, нецелесообразно. Обосновать эту нецелесообразность мы можем примером из кандидатской диссертации, посвященной источникам доказательств. Автор этой работы, Е.А. Купряшина, пытаясь дать новое объяснение квинтэссенции доказательств, выносит на защиту следующее положение: «Понятие «доказательство» есть явление, а «сведения» и «процессуальные источники сведений» – это составляющие этого явления. Следовательно, они соотносятся, как содержание, форма и явление» [12, С. 8].

Думаем, что автор этих строк получит в свой адрес достаточно критики, в частности, за то, что вместо парных понятий он вводит не совсем понятный понятийный треугольник. По нашему мнению, явление необходимо соотносить с сущностью; а у содержания и формы свои взаимоотношения. Так, во всяком случае, учит классическая философия и методология права [8, С. 158-176].

Но в приведенном положении есть и вполне здравые идеи. Именно они еще раз убедили нас в том, что «повод плюс основание» представляет собой то явление, которое дает материально-интеллектуальное обоснование началу полноценного уголовного

процесса.

Подобная двойственность субстанции, дающей толчок для начала производства по делу, находит отражение и в понимании повода. Сегодня в науке уголовного процесса складывается школа двойственной трактовки повода. С некоторой долей условности эти трактовки можно обозначить «повод на входе» стадии возбуждения уголовного дела и, соответственно, «повод на выходе» как толчок к началу производства предварительного расследования или судебного разбирательства (по делам частного обвинения).

М.Т. Коридзе выражает эту двойственность через следующую формулу: «Повод – это основание для начала стадии возбуждения уголовного дела. А основание – это повод для начала полномасштабного расследования» [11, С. 82, 165].

В связи с этим, представляют интерес и рассуждения А.П. Рыжакова. Он выделяет такое понятие, как «фактическое основание для возбуждения уголовного дела». «Фактическое основание, – пишет он, – накладывает свою специфику на повод, вернее, на содержание изложенной в нем информации. То, что достаточно для начала уголовного процесса, зачастую не может быть достаточным для принятия решения о возбуждении уголовного дела. По внешним («формальным», а не «содержательным») характеристикам повод для начала уголовного процесса и повод для возбуждения уголовного дела – это одно и то же (выделено нами. – Е.К.). Более того, в ряде случаев на момент начала уголовного процесса в поводе к началу уголовного процесса сразу содержатся основания для возбуждения уголовного дела (а значит, и основания для начала уголовного процесса). Бесспорно, что в такой ситуации повод для возбуждения уголовного дела одновременно является и поводом для начала уголовного процесса. Или наоборот, повод для начала уголовного процесса одновременно служит поводом для возбуждения уголовного дела» [18].

А.П. Рыжаков в подтверждение своих мыслей выдвигает следующий аргумент: «В приложении к УПК РФ № 7 и 8 приведен бланк постановления о возбуждении уголовного дела. Анализ его содержания показывает, что во вводной части данного документа законодатель хочет видеть сведения именно о поводе для начала уголовного процесса, т. е. «от кого и когда» поступило сообщение о преступлении. То обстоятельство, что указанная информация согласно закону должна отражаться в постановлении о возбуждении уголовного дела, само за себя говорит о том, что законодатель не видит принципиальной разницы между этими двумя понятиями» [18].

О близости и даже «взаимном перетекании» понятий поводов и оснований свидетельствуют и исторические факторы. Так, В. Случевский (современник И.Я. Фойницкого), характеризуя перечень поводов в УУС, заметил, что некоторые из законных поводов сами по себе *служили достаточным основанием* для возбуждения уголовного дела [19, С. 444].

Намеки на близость рассматриваемых понятий можно обнаружить и в работах самого И.Я. Фойницкого. Приведем цитату: «Предварительное следствие как судебная деятельность, располагающая значительными мерами принуждения, предполагает или точно сформулированное обвинение, исходящее от компетентного и ответственного обвинителя, или, по крайней мере (как по нашему праву), законный и достаточный повод (выделено нами. – Е.К.), причем понятие повода сводится здесь к определенному

действию и компетентности лица, его предпринимающего и на себе бремя и риск за него несущего (жалоба, предложение прокурора, непосредственный приступ к делу» [23, С. 379].

Как видим, автор цитаты применяет к понятию повода не только эпитет «законный», но и «достаточный». Тем самым, на наш взгляд, повод также сливается с основанием, которому закон и предъявляет требование достаточности.

Все приведенные аспекты понятий повода и основания для возбуждения уголовного дела, сближающие эти понятия друг с другом, содержат в себе предпосылки для того, чтобы вести речь о системности поводов для возбуждения уголовного дела. Эта системность генерируется как формальной (законной) основой понятия повода, так и логической квинтэссенцией понятия основания. Но в большей степени системным образованием, получающимся в результате сложения этих элементов.

Таким образом, с практической точки зрения необходимо осознавать, что повод и основание не являются автономными явлениями. Начало уголовно-процессуальной деятельности обусловлено системным единством повода и основания. Повторимся: только система «повод + основание» способна вызвать к жизни уголовный процесс. Иными словами, у этой системы появляется свойство, не присущее ни поводу, ни основанию, взятыми в отдельности. Кроме того, синтетическими становятся и разрозненные свойства этих слагаемых. Если в поводе первенствуют формальные, а в основании логические аспекты, то в их связке речь идет уже об особых формально-информационных и логических свойствах.

Литература

1. Артемов Л.А. Стадия возбуждения уголовного дела: процессуальные особенности и правовая регламентация действий правоохранительных органов: Дис... канд. юрид. наук. – М., 2004.
2. Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. – Горький, 1974.
3. Быков В.М., Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Изд-во «Таглитмат». – ИЭУП, 2006. – 256 с.
4. Гришин С.П. Производство по делам частного обвинения. – Н. Новгород, 2002.
5. Гуцин А.Н., Франциферов Ю.В., Громов Н.А. Использование оперативно-розыскной информации в уголовно-процессуальном доказывании // Российский следователь. – 2000. – № 4. – С. 15.
6. Дмитриев И.Р. «Свободный» повод для возбуждения уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2005.
7. Ивин А.А. Практическая логика: Учебное пособие. – М., 2002.
8. Керимов Д.А. Методология права. – М., 2000.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко; Науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2006.
10. Кондаков Н.И. Логика: Пособие для учителей. – М., 1954.

11. Коридзе М.Т. Современные задачи стадии возбуждения уголовного дела и средства их решения: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
12. Купряшина Е.А. Источники доказательств и критерии их оценки в уголовно-процессе РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2007.
13. Никифорова Т.В. Уголовно-процессуальный обряд: теоретические и прикладные аспекты внешней стороны процессуальной формы: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2007.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: Российская академия наук, 2003.
15. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под науч. ред. В.Т. Томина. – Н. Новгород, 2001.
16. Попов А.П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела: Дис... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
17. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Министерства юстиции Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации, Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений».
18. Рыжаков А.П. Поводы и фактические основания для начала уголовного процесса и возбуждения уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения: комментарий к статье 140 УПК РФ // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс».
19. Случевский В.К. Русский уголовный процесс. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 670 с.
20. Соловьева Т.А. Оценочные понятия и суждения в уголовно-процессуальном праве // Правоведение. - 1976. - №3. - С. 68-72.
21. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
22. Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997.
23. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. – СПб, 1996. – Т. 1.

Kuz'menko E.S. Povod i osnovanie kak sistema // Nauka. Mysl'. - № 1. – 2016.

© Е.С. Кузьменко, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. This article presents the study of the theoretical and practical foundations of the initiation of criminal trial, while special attention is paid to the system the reasons for initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, initiation of criminal trial, criminal law.

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Кузьменко, кандидат юридических наук, Нижегородская академия МВД России (Нижний Новгород, Россия).

Подписано в печать 15.01.2016.
© Наука. Мысль, 2016.